

Эксклюзив

Душевный трепет испытываю каждый раз, когда иду на встречу с актером Александром Збруевым. Поразительная личность! Сильная! Энергичная! И энергетически емкая: в его душе скрывается бездна эмоций. Когда беседуешь с Александром Збруевым, то невольно каждой клеточкой своего организма ощущаешь его мощнейшее влияние. Он покоряет своим умом, своим обаянием. Збруев для меня — человек Космоса, человек Вселенной. Личность из другого мира.

Александр Збруев: «Планка, бесконечная как космос»

Моя планка. — 1998. — 11авг. — с. 11, 13.

Вы смотрите на него и чувствуете, что он загадочен. Ему уже шестьдесят, но разве назовешь его патриархом сцены? Он удивительно молод.

Конечно, с Александром Викторовичем можно было бы поговорить о том, как ему удается поддерживать такую великолепную спортивную форму. И он бы, вероятно, честно рассказал мне, что это результат серьезных занятий спортивной гимнастикой и боксом в молодости, активного увлечения футболом в зрелом возрасте. Размышлять на эту тему можно бесконечно.

Но скажу откровенно, меня больше всего интересовало, как, откуда возникает та жизненная сила, которая так живительно действует не только на меня, но и на всех зрителей в зале, всех почитателей его искрометного таланта.

Мне выпала редкая и большая удача: я сумела разговорить Александра Збруева. Он, правда, не спешил выворачивать свою душу и песню начал издали.

— Люди мне в жизни встречались очень интересные. Но сказать, что всегда передо мной был образ учителя - нельзя. Контакт с Эфросом - очень важный момент в жизни любого актера, заметка в сердце. Я глубоко почитаю Марка Захарова и Валерия Фокина в театре, в кинематографе - Андрона Кончаловского и Сергея Соловьева. Много мне дал Дмитрий Астрахан, который лихо работает с актерами и понимает их. Константин Ходюков оставил свой след. (Ведь вот кого-нибудь не назову сейчас, и обижу...)

Но каждый актер имеет еще и внутреннего режиссера, свое понимание сегодняшней нужности и осознания того, к чему не стоит обращаться.

— Давайте об этой «внутренней режиссуре»...

— Давайте, но об этом сложно говорить. Это - на уровне ощущения от соприкосновения с сегодняшним утром. Не размышление, не раздумье в кресле, за чаем - вот что, мол, нужно сегодняшнему зрителю. Нет. Это на уровне чувств, какого-то взрыва. Но только не рациона. Потому что каждый день приносит что-то новое, что-то происходит. С чем-то соглашаешься, с чем-то нет. Это может быть простая встреча со старушкой в подземном переходе. И тут подмеченная утром эмоция срывается, она тебя ведет вечером на спектакль. Погружение в нее оправдывает сегодняшний день. Вот вышел на сцену или сыграл эпизод в фильме - утренняя эмоция дала тебе ту живость, к которой, надеюсь, подклучатся и зрители.

— Важна ли отдача зрительного зала? — Обязательно. Зрительный зал должен

отдавать, иначе тяжело. Иногда бывает роль физически сложная, в которую вкладываешь очень много энергии. Играешь от и до в таком напряжении, что не передать. Но два с половиной часа такой работы в спектакле «Школа для эмигрантов» меня в конечном итоге заряжают больше, чем роль, которая не требует затрат эмоций. В «Варваре и Еретике» я играю очень сдержанного англичанина, но сильно устаю, так как я там от зрителей не заряжаюсь. Возврата энергии мне эта роль не несет, потому что я сам не вкладываюсь.

Есть работы, которые можно играть, а можно не играть. Мне нравится «Варвар» сам по себе. Но там я в общем ансамбле - лишь краска, которая дополняет полотно спектакля. Это мазок, и только.

— Сложно быть составной частью целого? Фигурой быть, наверное, легче?

— Да нет, мой герой - вроде бы фигура. Но он ничего не решает. Это как в жизни, когда тебя ведут за руку, что-то за тебя решают, а ты только говоришь «да» или «нет». То есть ты находишься в сетях обстоятельств, которые никак не можешь изменить, трансформировать. При том, что тебе хотелось бы и очень надо было бы это изменить! А ты наперед понимаешь, что ничего не можешь. И поэтому - бейся головой о стенку, не бейся, ломай руки, хватай кого-то за грудки - ничего не изменится. И вот тогда руки опускаются.

Со временем я пришел к выводу, что не надо играть много, надо играть заметно. Вот Евгений Павлович Леонов появлялся на сцене - и всегда это было событием. Он не играл много, но всегда был мощным, ярким, заметным.

...Я с удовольствием сыграл бы ведущую роль, может быть, не главную, но глобальную. Ту, которая могла бы что-то поменять. И вела бы спектакль.

— В жизни вам удается кардинально поменять ситуацию?

— Я живу замкнутой жизнью, хотя это покажется странным. От меня никто не зависит. И я стараюсь ни от кого не зависеть. Мне очень трудно приспособиться. Если я это делаю, то до определенного момента. Дальше не иду - может, оттого и теряю. Если я участвую в каком-то деле, то стараюсь протолкнуть проект целиком. Мне, например, нравился фильм Тиграна Кеосаяна «Бедная Саша». Не столь важно даже, как я сам там сыграл. Мне важно, чтобы фильм в целом

состоялся, чтобы его заметили, о нем сказали; сказали бы о Тигране, о партнерах.

— Чем он вам дорог, этот последний фильм?

— Он показывает динамику, быстроту реакции молодого поколения. Этот процесс, кстати, отражает саму жизнь кинематографа. К сожалению, многие режиссеры старшего возраста (я сейчас говорю не о мастерах-стариках) не понимают, что происходит. Есть такая интересная штука - как только такой режиссер начинает съемки, то сразу почему-то ста-

энергетику. Клавдий - это характер, который все подчиняет себе.

— Что вам хочется сыграть на данный момент?

— Человек хочет всего. Хочет и попробовать, и ошибиться хочет, и обжечься тоже хочет. И, наоборот, хочет, чтобы его погладили, чтобы был успех, признание. Не могу сказать, что конкретно хотел бы высказаться «вот в этом». Была бы роль, был бы поступок. А характер можно по-разному преподнести. Актер вдруг угадал и предлагает не банальное движение вперед, а в рамках того же текста - движение совсем в обратную сторону. Вот тогда интересно.

Причем смысл-то в том, чтобы не просто завести зрителя в тупик, а в том, чтобы выбраться вместе с ним из этого тупика к свету. И даже если есть поражение в этом тупике, то осознание того, что привело к этому поражению, - это тоже большое и сильное действие.

— Давайте поговорим о женщинах.

— О, женщина - это целый мир, неведомый нам, мужчинам. Особенный - и психологически, и по менталитету, и по своей внутренней структуре, и по пониманию мира. Со своей правдой и своей ложью. Хотя мы и говорим, что знаем женщин, но, может, оттого у нас их и бывает так много, что мы никак не можем их понять. Мы все время ищем свою Женщину... Есть те Женщины, которые навсегда остались в моей жизни.

— Вы ощущаете себя любимым?

— Мне кажется, что меня любят.

— Вы счастливы?

— Как хочется быть счастливым! Человеку так хочется быть счастливым! Но я не знаю истинно счастливых людей. Бог ставит перед нами много испытаний. И когда эти испытания заканчиваются - ты умираешь.

— Но и достигаешь чего-то. Если оглянуться: кое-что из того, что ставилось целью, достигнуто?

— Планка, которая существует, бесконечна, как Космос. Человек, добившись одного, понимает, что это была только маленькая ступенька к радости. Я часто думаю, а добились ли мы чего-то? И чего можно добиться в нашей стране? Ведь существуют высокие категории ощущения комфорта: душевного, бытового. Относительно них мы, русские, - просто неандертальцы. У нас все время: то улица провалилась, то дом рухнул.

Я занимаюсь любимым делом. Но оно - мучительно любимое. И этим я занимаюсь. А на Западе талантливым человеком занимается целая структура, целое агент-

ство. Оно ищет ему идеи, оно ищет ему сценарий. Оно артиста ведет, создает комфорт - творческий, жизненный. Оно делает из него личность необыкновенную. Оно его так высоко поднимает! У нас же один директор киностудии или другой - ничего не меняет. Заметьте, все говорят одно и то же: «Давайте делать хорошее кино!» Давайте! Но не можем. Потому что - страна такая. Вы заметили: мы все время существуем за счет улолов, раздражителей, причем нерадостных? Мы все время принимаем и отдаем удары...

— Индийский философ Вивекананда заметил, что «мир - это спортивный зал, куда человек приходит, чтобы стать сильнее». Современные психологи, например, предлагают в каждой кажущейся неудаче искать, чем она была человеку выгодна. Человек живет так, как он того хочет. Иногда бессознательно, но х о ч е т. Ему удобнее не напрягаться, комфортнее сидеть на месте, он устает производить движения. Внутренние, прежде всего, а отсюда - и внешние. И не зря Станиславский говорил, что из-под актера надо почаше выбивать ступ, на котором он удобно расположился.

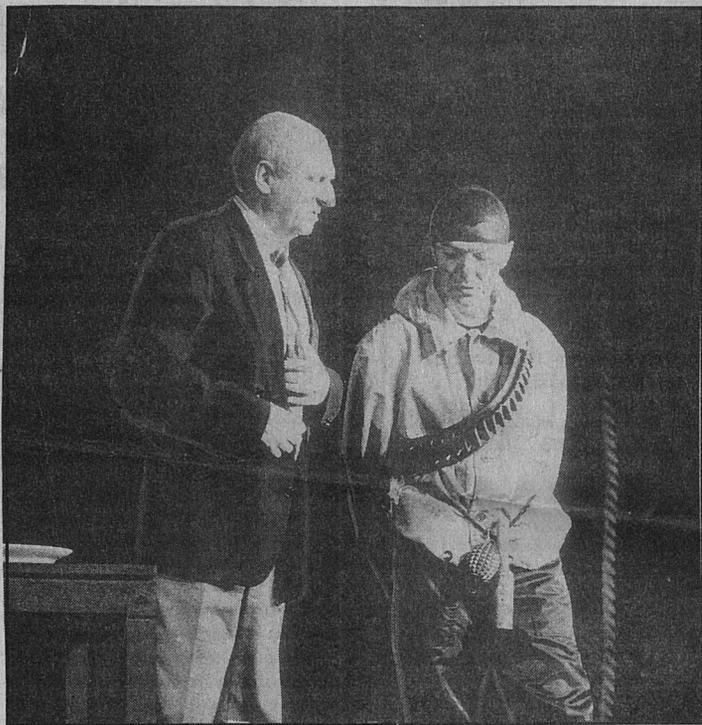
Мне иногда кажется, что возникающие преграды являются нашими «тесными воротами». Мы пытаемся эти рамки разрушать, вместо того, чтобы измениться внутри. На Западе система, занимаясь человеком, является условием, заставляющим артиста вкалывать и меняться. Я читала воспоминания Шварценеггера. Он «пахал» в спортивном зале с утра до ночи, постоянно совершенствуя спортивную форму.

У русского человека другой менталитет, другой психотип. О чем он всегда мечтал? О свободе. Ему зачастую право на полет было важнее самого полета. И когда он достигал этого права на свободу, то почему-то использовал его не по назначению: свобода оборачивалась вселенской ленью.

— Но кроме субъективных факторов, есть еще и объективная реальность. Вот Высоцкий - «пахал». И страдал, и бился головой о стенку, лицо разбивал, колотился стал, связки рвал, сердце... Умер, погиб...

А что, нельзя было при жизни признать такой талант? Что это за страна такая, которая не бережет людей, не гордится своими талантами?! Ему все-таки потом поставили памятник! А Тарковскому дали государственную премию, народного артиста дали, но только после того, как он ушел, после многих лет работы и неприятия. Наш «Ленком» - хороший театр, лучший. Но и он опять-таки - частный случай.

Окончание на 3-й стр.

Начало на 1-й стр.

- Жизнь Высоцкого пришлась на определенный этап развития страны. Объективный. Его нельзя не учитывать точно так же, как нельзя не учитывать этап младенчества или подростковый возраст в жизни человека. Высоцкий жил в этот конкретный период, и ни в какой другой. Он делал все что мог в «предлагаемых обстоятельствах». И в итоге - ситуация изменилась: сегодня «пой не хочу» и про что угодно - та самая свобода, о которой Владимир Семенич мог только помышлять. Значит, все-таки динамика есть.

Я читала интервью с Эрнстом Неизвестным. Живет в Америке. Своя студия. Великолепная. Человек, который все имеет в материальном отношении, говорит: если бы ему пришлось сейчас делать свои работы так, как он того хочет и не подписываться под ними - он бы все равно согласился. Художник всегда

щению мира: во взаимоотношениях, столкновениях, коллизиях. Там государство на это работает - не важно частное оно, не частное, такое, как Голливуд. Мне обидно, что у нас никогда не снимут те фильмы, которые снимают в Америке. Мы привыкли говорить: «Наши актеры...» Но ведь наши актеры сегодня не дотягивают до уровня Аль Пачино, Хофмана или Николсона. Знаешь, почему? Потому, что те просто талантливы... И ко всему продолжают учиться, совершенствоваться без конца. Потому что - воспитывались, выросли в другой среде, в иной школе. Они прогрессируют, двигаются вперед. Я не знаю, по какой системе они там работают, - по Станиславскому ли, Чехову ли, или у них своя система. Они - звезды, посещают театральные школы. И если что-то новое появляется в искусстве, они учатся этому.

А мы теряем то, что уже приобрели. И это тоже не наша вина, нас государство так воспитало. Потому что пока будешь учиться чему-то новому, кто-то твою нишу займет. А другой не будет. Между тем существует закон: как только артист думает, что он - что-то «такое», что он чего-то достиг, он на этом заканчивается!

шивает: «А ты видел сам-то эту границу, пальмы?», а мой герой отвечает: «Ты сейчас на больное наступил». Вот ты на больное наступила! Не потому что «Оскар» лично мне нужен, а потому что я знаю, что никогда, никто из наших актеров не получит его. И никогда, никто (по большому счету) из наших артистов не снялся в Голливуде. Это будет трижды суперудача, если кто-то сыграет центральную роль в великом голливудском фильме. Голливуд - он велик! Но и не это самое страшное. Страшно то, что никогда актер, мечтающий сокровенно и тайно о чем-либо, не осуществит свою мечту... Он будет приближаться, будет рядом, около. Но никогда этого не произойдет. «Оскар» нужен. Он нужен не только мне, а всем нам, вместе.

...Я недавно встретился с одним артистом - он алкоголик. Он говорит мне: «Саша, тебе так повезло, ты что-то в жизни сделал. А я - ничего». Вот с его точки зрения, наверное, я что-то сделал. Но это диалог большого человека со здоровым. По отношению к голливудским актерам мы - как тот больной человек.

Ричард Гир, который тебе так нравится, - он сам себе фабрика, сам себе - государство, он сам в себе, он самовыражается.

том, заказан ли мне пропуск на проходной или нет. А это - не моя задача как артиста.

...Ты читала книгу Кончаловского «Низкие истины»? Она мне так понравилась... Это такое откровение: вот то, как Андрон борется за жизнь! Так профессионально. Как он хочет хорошо жить, и как, очень часто, ему это не удается!.. А он все равно не сдастся. И хотя сам уже - в Голливуде, но и там ищет чего-то большего. Сколько он преодолел! И в то же время, - помнишь эпизод, когда он протянул руку Брандо, а тот прошел мимо здороваться с кем-то другим, а Андрон остался с протянутой рукой? А ведь Андрон - уже исключение из общего правила.

- Всегда есть солнце, вокруг которого вертятся планеты. Они (по отношению к солнцу) - как Андрон по отношению к Брандо в этой ситуации. Но солнечные системы вращаются вокруг своего общего центра. Процесс иерархичности бесконечен. Мне кажется, что возможность «выпрыгнуть» на следующий уровень представляется, когда человек накопил определенное качество. Тогда дается возможность. Кто-то уехал работать в Голливуд. Кто-то остался в своей стране. У каждого - свой путь, свой крест, своя задача в едином организме, называемом «Его Величество Искусство».

Я иногда себе задаю вопрос: для чего человек работает? С одной стороны, для себя, чтобы ощущать пульс жизни. С другой - для людей. Признание зрителей, их восторг, благодарность - не самое последнее в профессии актера, правда же? Ты входил в каждый дом с экрана телевизора и становился «своим» человеком, родным, близким, понятным. «Только то сердце, которое глубоко страдало, может понять другого до глубины и осветить ему путь». Наверно, поэтому, когда мне бывает темно, я иду в «Ленком» - чтобы восстановить утраченные суть, смысл, истину.

А по поводу «Оскара» и слова «никогда» есть хорошая притча. Мне ее рассказал однажды Булат Шальвович Окуджава. Английского садовника спросили, почему у него такие сочные зеленые газоны. Видимо, есть какой-то секрет? - Никакого секрета нет, - ответил садовник, - просто надо каждое утро траву подстригать, а каждый вечер поливать. И так - триста лет.

Елена КУРБАНОВА.

Александр Збруев: «Планка, бесконечная как космос»

выбирает сначала реализацию, а потом уже признание.

- Но невозможно не видеть того, что у нас, будь ты хотя бы семи пядей во лбу, у тебя никогда не будет той реализации, таких проектов, которые есть у американских и европейских художников, актеров. Вот что обидно. Там артисты в космос выходят! Не буквально - на съемках - а по своему ощу-

Театр - это, к сожалению, пока еще не шоу-бизнес, в котором есть деньги, индустрия, стадионы, реклама. Все это для огромного количества попсовой «пены». Ужас в том, что драматический артист сегодня в тени, если не в темноте, и он никому не нужен!

Вот ты как-то пожелала мне получить «Оскара». У нас есть в «Школе для эмигрантов» сцена, когда герой Саши Абдулова спра-

Он дышит полной грудью. У него есть возможность сниматься. Или не сниматься по полгода и заниматься своей душой, очищаться, уехать в Тибет в монастырь. И просветленным вернуться. И после этого - заниматься своей работой. Потому, что на него работает индустрия. А мы даже этого не можем. Вот я сейчас должен ехать на «Мосфильм» и думать не о творчестве, а о

Эксклюзив

